

А. В. ИВАНОВ

СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ АТР В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

*Андрей Владимирович Иванов, ведущий научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО МИД России.
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: tako57@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматривается роль регионов Сибири и Дальнего Востока в интеграционных процессах в АТР, важность которого для России повысилась в связи с введением Западом антироссийских экономических санкций. Рассматриваются недостатки восточных регионов России, затрудняющие интеграцию с АТР, даются рекомендации по их устранению. Рассматриваются факторы, которые будут определять направления развития АТР на ближайшие 20 лет. Дается анализ сфер, в которых возможно развитие сотрудничества восточных регионов России и АТР.

Ключевые слова: АТР, Сибирь, Дальний Восток, интеграция, экономические санкции, экономическое сотрудничество.

Введение США и их союзниками, включая Японию, антироссийских санкций повысило важность программ развития торгово-экономических связей России с государствами АТР. Особая роль в этом процессе отводится регионам Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока, имеющим на данном направлении конкурентные преимущества по сравнению с другими российскими регионами: 1) близость к динамично развивающимся рынкам АТР; 2) богатый ресурсный потенциал, включая запасы угля, углеводородов, гидроэнергетических ресурсов, железной руды, цветных и редкоземельных металлов, лесных ресурсов и т. п.; 3) климатическое разнообразие, позволяющее решать разноплановые задачи по развитию промышленности и сельского хозяйства. Вместе с тем успешная реализация соответствующих программ осложняется низкой плотностью населения, неразвитостью социальной сферы, отсутствием (редкостью) необходимой инфраструктуры, слабой связанностью регионов между собой и неразвитостью внутреннего рынка, выраженным сырьевым креном местной экономики.

Для обеспечения ускоренного развития Дальневосточного макрорегиона предполагается сконцентрировать усилия на четырёх приоритетных направлениях: 1) опережающем развитии транспортной и энергетической инфраструктуры; 2) создании условий для реализации 15–20 крупных комплексных инвестиционных проектов с длительными сроками окупаемости и перспективой формирования на их основе новых центров развития;

3) формировании конкурентоспособного рынка на территории Дальнего Востока и Байкальского региона; 4) создании условий для качественного наращивания человеческого потенциала – путём обеспечения комфортных условий для жизни граждан, развития современных образовательных и научных центров. Кроме того, особая роль в развитии региона Министерством по развитию Дальнего Востока отводится экспериментам по созданию территорий опережающего развития (ТОР), как минимум, на 14 площадках, а также реализации целевых инвестиционных проектов на 18 площадках.

Оптимизация модели экономического развития является важным, но недостаточным фактором сопряжения российской экономики с экономикой АТР. Необходимо понимание «адресов встраивания» в экономику АТР.

По оценкам экспертов, на политику государств АТР и глобальное позиционирование региона в ближайшие 10–20 лет будут оказывать влияние следующие факторы.

- Важнейшим критерием экономического успеха становится качество роста, а не его темпы, что означает повышение ценности человеческих ресурсов, повышение уровня образования, более справедливое распределение получаемых от экономического роста благ, участие максимального числа граждан в экономическом процессе, повышение качества урбанизации, укрепление отношений с соседями.
- Ведущие экономики региона (Китай, Япония и Южная Корея) инвестируют значительную часть свободных капиталов в рынки АСЕАН и Южной Азии.
- Выстраиваются новые региональные отношения, нацеленные на обеспечение собственного потребления и повышение эффективности местных экономик.
- Государства Азии пытаются стать более независимыми, что должно привести к росту доли производства качественной продукции с более высокой добавленной стоимостью, к росту числа собственных инновационных разработок. Одновременно будет стимулироваться совершенствование человеческого капитала и повышение творческой активности.

Своего рода мегатрендом развития АТР станет рост объемов и качества потребления.

Насколько востребованными могут быть восточные регионы России в рамках отмеченных выше процессов? Заинтересован ли азиатский бизнес в сотрудничестве с Сибирью и Дальним Востоком России? Обращаясь к китайской аудитории, министр по развитию Дальнего Востока РФ А. С. Галушка оптимистично заявлял, что «сегодня не только Россия зависит от стран АТР, но и поступательное развитие наших восточных соседей во многом зависит от России, от роста нашей взаимной торговли, объема инвестиций, от реализации крупномасштабных совместных проектов». Он отмечал, что в 2013 году товарооборот России со странами АТЭС вырос на 7,4 % (с остальным миром зафиксировано снижение). Взаимный товарооборот с Китаем в 2013 году составил 89 млрд долл., и можно ожидать, что планка в 100 млрд долл. будет преодолена в 2015 году. (События 2014 года помешали реализоваться этому прогнозу.)

А. С. Галушка признает, что развитие инвестиционного сотрудничества России и ее Дальнего Востока с КНР не отличается динамизмом, а Китай, являясь лидером по количеству создаваемых на Дальнем Востоке предприятий с иностранными инвестициями, по общему объему вложенных в экономику региона средств занимает одно из последних мест среди иностранных государств-инвесторов. В качестве средства исправления этой ситуации министр видит решение задач по радикальному улучшению инвестиционного климата, усовершенствованию законодательной базы на федеральном уровне. В этой связи он высказывал предположение, что заинтересованные компании и финансовые институты из стран АТР готовы вложить в Дальний Восток России до 2020 года примерно 150 млрд долл. США [3].

Впрочем, российский разворот на Восток, как правило, воспринимается в странах АТР без особого энтузиазма. Так, корреспондент японской «Санкэй симбун», известной достаточно критичным взглядом на Россию, объясняет решение России присоединиться к создаваемому Китаем Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций стремлением найти средства на развитие «отсталой» Сибири и Дальнего Востока. В официальных же китайских СМИ оценки «новой восточной политики» России как правило позитивны.

Весьма критично первые итоги разворота на Восток оцениваются и в самой России. Так, авторитетный журналист-китаевед А. Габуев констатирует [2], что «несмотря на объявленный поворот экономики России к новым динамичным рынкам в Азии, практические успехи пока невелики. Азиатским инвесторам мешают как макроэкономические факторы вроде волатильности рубля, так и настойчивое желание правительства развивать за Уралом промышленность и инновации, а не осваивать природные ресурсы». Ссылаясь на российских и зарубежных экспертов, а также на статистические данные из российских и китайских источников, тот же А. Габуев утверждает, что реальная работа на азиатском направлении началась с марта 2014 года, то есть после введения Западом санкций, и за прошедший с того момента год заметных успехов она не принесла – «реального «поворота на Восток» пока так и не произошло». В частности, России не удалось вызвать интерес у восточноазиатских инвесторов в инвестировании в восточные регионы России. По мнению азиатских экспертов, отмечает А. Габуев, главной причиной этого стала «неправильная стратегия», избранная российскими властями: они желают во что бы то ни стало развивать за Уралом обрабатывающую промышленность, инновации и высокие технологии, в то время как азиатским инвесторам эти сектора российской экономики якобы не интересны – для них куда важнее природные ресурсы. Среди других зависящих от России важных причин вялого интереса азиатских инвесторов к проектам в восточных российских регионах китаевед называет низкую емкость регионального рынка, дороговизну рабочей силы, незащищенность иностранных предпринимателей перед рэккетом и вымогательствами, коррупцию, тесную смычку бизнеса и власти, произвольное правоприменение, нестабильность экономической политики, плохое состояние инфраструктуры.

Ссылаясь на оценки зарубежных специалистов, А. Габуев называет два условия повышения инвестиционной привлекательности восточных регионов России: 1) совершенствование административных процедур и создание понятного для инвесторов «интерфейса» у органов власти; 2) выбор приоритетных секторов, основанный на анализе реальных потребностей азиатских рынков (здесь перспективным представляется сельское хозяйство, особенно такие его направления, как производство сои и животноводство).

Наибольшая активность китайского бизнеса в восточных регионах России приходится именно на добывающие отрасли и сельское хозяйство. Наблюдается интерес также к строительной сфере и межрегиональному туристическому обмену.

Интересной и позитивной для России оказалась реакция на введение антироссийских санкций делового сообщества Республики Корея. Видя, что санкции провоцируют активизацию сотрудничества России с Китаем, представители Южной Кореи высказывались за учет и собственных интересов, за то, чтобы отношения РК с Россией и с США разделялись. По-видимому, отражением такой позиции стало проведение в сентябре 2014 года месячника дружбы Дальнего Востока России с Кореей, посвященного 130-летию установления дипломатических отношений между Россией и Кореей и 150-летию добровольного переселения корейцев в Россию. Участники мероприятий отмечали позитивное влияние введения в январе 2014 года безвизового режима, способствовавшего увеличению на 37 % потока туристов из Кореи в Россию. Другими сферами успешного сотрудничества восточных регионов с Республикой Корея стали производство сельхозпродукции, лесоразработка, гостиничный комплекс, автосборка. Отмечают также интерес южнокорейских инвесторов к идее создания на базе кампуса Дальневосточного федерального университета инновационного центра, а также к таким сферам, как энергетика, природные ресурсы, транспорт и новые технологии. Делаются попытки привлечь южнокорейские инвестиции в создание угольного кластера в Омсукчанском районе Колымы, где только разведанные запасы угля под открытую отработку составляют более 100 млн тонн. Южнокорейские эксперты выражали интерес к участию РК в российско-северокорейском проекте в Раджине, включая эксплуатацию железнодорожной ветки от Раджина до Хасана, в строительстве газопровода из России в Южную Корею, из Владивостока через КНДР на юг, либо через Китай и Желтое море в Россию.

При этом, однако, энтузиазм южнокорейских инвесторов сдерживает богатый негативный опыт ведения бизнеса в России, в частности провал проекта создания российско-корейского индустриального парка свободной экономической зоны Находка, одобренного

правительствами двух стран еще в 1999 году; проекта суперверфи «Звезда-DSME» в Большом Камне и уже фактически реализованного проекта завода электротехнического оборудования Hyundai Electrosystems, столкнувшегося с проблемами со сбытом продукции. Вину за провал этих проектов южнокорейская сторона возлагает на российских партнеров и теперь требует от российской стороны гарантий финансирования и обеспечения рынка сбыта продукции.

Аналогичные претензии предъявляют и японские инвесторы. Проявляя осторожность, они, в частности, выражают удивление тем обстоятельством, что для создания территорий опережающего развития (ТОР) российские власти выделили на Дальнем Востоке 14 площадок, что слишком много для фактически пилотного проекта, интерес к которому, по мнению японских бизнесменов, следовало бы постепенно наращивать, показав пример успешной реализации одного-двух проектов, как это было сделано в случае с заводом «Соллерс» во Владивостоке.

Еще одной темой, требующей внимания в контексте развития сотрудничества восточных регионов России с АТР, является модернизация региональной портовой инфраструктуры и формирование тихоокеанских портов России в единый транспортный узел. Региональные эксперты прогнозируют к 2020 году увеличение спроса на Дальнем Востоке на перевалку в морских портах наливных грузов почти до 70 млн тонн, навалочных и насыпных грузов – до 90 млн тонн, генеральных и контейнерных грузов – до 17 млн и 19 млн тонн, соответственно. Общая оценка Дальнего Востока через 5 лет – более чем 200 млн тонн, то есть примерно на 50 % нынешних показателей.

Для того чтобы транспортная система региона смогла «переварить» такие объемы перевозок, предлагается ряд мер. В частности, превращение порта «Восточный», имеющего прямой выход на Транссиб, в международный транспортный узел, БАМ и нефтепровод «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО-2). Кроме того, вдобавок к строительству порта «Зарубино» в бухте Троицы в Приморье предлагается проведение модернизации морского порта «Посыет» с целью создания на его базе современного угольного терминала, оснащенного передовым специализированным перегрузочным оборудованием. Этот список можно продолжать долго. Региональные эксперты отмечают, что в настоящее время в каждом порту Дальнего Востока реализуются или находятся в стадии подготовки проекты, способные более тесно интегрировать Россию в транспортную экономику АТР, однако для успешного их завершения требуется поддержка государства в вопросе обеспечения портам большей привлекательности в глазах инвесторов путем обновления портовой инфраструктуры.

Не следует, однако, забывать, что тормозом развития сотрудничества восточных регионов России со странами АТР могут стать не только неразвитость инфраструктуры и несовершенство российского законодательства, но и санкции, введенные Западом против России в связи с событиями на Украине и в Крыму. По мнению ряда экспертов, переориентация России на Восток не будет легкой и быстрой, поскольку ключевыми игроками в АТР являются США и Канада, инициаторы и активные участники антироссийских санкций. При этом многие дальневосточные проекты до сих пор опирались именно на европейские и североамериканские инвестиции, так что санкции могут ударить, как минимум, по некоторым из них. В частности, по проектам, которые курируются или к которым имеет отношение президент компании «Роснефть» И. Сечин, вошедший в санкционный список. Среди наиболее уязвимых проектов называют «Сахалин-1» (в связи с возможным отказом Exxon Mobil от инвестиций в «Дальневосточный СПГ»), а также золотодобывающие проекты Чукотки. Впрочем, в случае ухода американских и европейских инвесторов освободившуюся нишу могут занять азиатские партнеры России, в первую очередь китайские.

Без излишнего пессимизма оценивали возможное влияние антироссийских санкций на процесс развития сотрудничества восточных регионов России с АТР и участники состоявшейся осенью 2014 года XVIII международной конференции «Нефть и газ Сахалина», проводимой Институтом Адама Смита и собравшей максимальное число участников за всю историю проведения – около 600 человек из более чем 20 стран. Чуть ли не главной проблемой российских экспортеров были названы не западные санкции, а риск возникновения конкуренции российскому СПГ на рынке АТР при несогласованных действиях российских добывающих компаний [1].

Достаточно оптимистично оцениваются и перспективы развития туристического бизнеса, в частности медицинского туризма. Несмотря на ситуацию с санкциями, вслед за Сингапуром и Южной Кореей на рынок российской международной медицины выходит Япония, являющаяся мировым лидером по внедрению высокотехнологичного диагностического оборудования, такого как системы магнитно-резонансной визуализации (МРТ) и позитронно-эмиссионной томографии (ПЭТ). Так что наиболее активно развивающееся направление – диагностические медицинские программы. Это вызвано тем, что Япония стремится закрепиться на международном рынке медицинских услуг и поэтому задумывается не только о продвижении медицинского туризма, но и об экспорте своих медицинских учреждений и своего опыта медицинского обслуживания. Перспективной сферой сотрудничества России и Японии является фармакология в связи с введением российской стороной ряда ограничений при приобретении лекарств западных производителей и ухода с российского рынка западных партнеров, чье место и может занять Япония.

Активизация на российском рынке японских компаний, занимающихся медицинским туризмом и медицинскими услугами, может стать для частных компаний и госучреждений Сибири и Дальнего Востока неплохой подсказкой при поиске оптимальной линии поведения в условиях западных санкций. Она демонстрирует, что японский бизнес, как и во времена введения Западом санкций в отношении СССР из-за известных событий в Афганистане, готов проигнорировать «установки» западных партнеров, если того требуют японские экономические интересы. Однако потенциальным японским и другим азиатским инвесторам необходимо помочь увидеть и осознать эти интересы, связанные с Россией. На поверхности лежат лишь ставшие уже традиционными сферы сотрудничества – прежде всего, энергетика, сельское хозяйство и туризм. Конечно, их потенциал далеко не исчерпан, и сотрудничество на этих направлениях может принести значительную пользу восточным регионам России. Однако в этих сферах действуют в основном крупные компании, не оставляя места для средних и мелких предпринимателей. Шанс им дают как раз такие направления, как медицинский туризм.

Очевидно, что перспективы имеет сотрудничество и в других сферах, связанных с высококвалифицированными услугами, например научное сотрудничество между сибирскими, дальневосточными и восточноазиатскими – в первую очередь китайскими, корейскими и японскими – университетами. Пока эта область сотрудничества развита очень слабо, в оправдание чего приводят тезис о том, что российские университеты сориентированы в первую очередь на подготовку кадров, а, например, японские – на научный поиск и практические разработки. Представляется, что работа именно в этом направлении могла бы изменить восприятие Сибири, Дальнего Востока и России в целом как поставщиков сырья и энергоресурсов, поскольку попытки превратить восточные регионы России в «фабрику Азии» обречены на провал в условиях, когда этот титул уходит уже и от Китая с его растущим уровнем жизни и, как следствие, стоимостью трудовых ресурсов к более дешевым в этом отношении Индии, Вьетнаму, Филиппинам.

Таким образом, за пределами сырьевой, сельскохозяйственной и топливно-энергетической сфер Россия может предложить Восточной Азии, помимо туризма, услуги образования и сотрудничество в области инноваций. Однако для этого потребуются немалые усилия по изменению сознания руководителей сибирских и дальневосточных вузов, организации способных к конкретной и плодотворной практической работе инновационных центров и созданию новых условий взаимодействия бизнеса и науки для выявления источников финансирования последней.

Кроме того, необходимо формирование структуры продвижения научных и практических разработок сибирских и дальневосточных университетов к потенциальным потребителям в АТР с задействованием возможностей российских посольств и представительств в странах региона и в многосторонних региональных экономических организациях, в которых участвует Россия. Появление разработок, способных заинтересовать азиатских партнеров, может открыть возможности для организации их производства на территории России, что поможет решить проблему с созданием на территории российских восточных районов, в первую очередь приграничных (с учетом их близости к возможным потребителям), новых рабочих мест, способных привлечь в регион квалифицированные кадры.

SIBERIA AND THE FAR EAST IN THE ASIA-PACIFIC INTEGRATION PROCESSES WITH REGARD TO ECONOMIC SANCTIONS AGAINST RUSSIA

*Andreu Ivanov, Leading Researcher, Center for East Asia and SCO,
Institute for International Studies (University) MFA of Russia*

Summary:

The article discusses the role of Siberia and Far East regions in the integration process in the Asia-Pacific region, whose importance for Russia has increased after introduction of anti-Russian economic sanctions. The article describes the shortcomings of Russia's eastern regions impeding integration with Asia-Pacific, provides recommendations how to remove them. The factors that will determine the direction of the APR in the next 20 years are listed. The analysis of areas where cooperation could bring the development of eastern regions of Russia and the Asia-Pacific region is given.

Keywords: *Asia-Pacific, Siberia, the Far East, integration, economic sanctions, economic cooperation.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Воронцова Н.* Экономические санкции против России не мешают ей осваивать шельфовые ресурсы Дальнего Востока // Дальневосточный капитал. 2014. Октябрь. [Электронный ресурс]. URL: http://dvkapital.ru/timezone/dfo_20.10.2014_6491_ekonomicheskie-sanktsii-protiv-rossii-ne-pomeshajut-ej-osvaivat-shelfovye-resursy-dalnego-vostoka.html
2. *Габуев А.* Дальние восточные инвесторы. Что тормозит поворот российской экономики к азиатским рынкам // Коммерсантъ-Власть. 2015. № 8. 2 марта. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2674988>
3. *Галушка А. С.* Близкий сосед лучше дальнего родственника. [Январь 2014. Статья для «Китайского экономического сайта», партнера Ассоциации «СИНО-РУС»]. [Электронный ресурс]. URL: http://intl.ce.cn/specials/zxxx/201405/24/t20140524_2867070.shtml